

Раздел 4

СОЦИОЛОГИЯ

Ведущий эксперт раздела:

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)

УДК 316.4

Dityatev A. Y. THE CONCEPT OF VITAL FORCES OF THE PERSON AS A METHODOLOGICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL STUDYING OF PHENOMENA OF OPTIMISM AND PESSIMISM IN A MODERN SOCIETY. In the article substantive provisions of the concept of vital forces of the person with reference to studying of social moods of optimism and pessimism in a modern society are stated. Intrinsic characteristics of studied phenomena are revealed. The basic problems of methodology of the given research, and also a way of their decision are designated.

Key words: vital forces, social self-realization, individual self-realization, social mood, optimism, pessimism, methodology of sociological research.

А.Ю. Дитятев, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: antidityatev@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВАСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье изложены основные положения концепции жизненных сил человека применительно к изучению социальных настроений оптимизма и пессимизма в современном обществе. Выявлены сущностные характеристики изучаемых феноменов. Обозначены основные проблемы методологии данного исследования, а также пути их решения.

Ключевые слова: жизненные силы, социальная субъектность, индивидуальная субъектность, социальное настроение, оптимизм, пессимизм, методология социологического исследования.

Проблема счастья и путей его достижения издавна увлекала человека. Более того, вся человеческая деятельность прямо или опосредованно обусловлена стремлением к искомому счастью. Эта проблема тесно связана с понятиями оптимизма и пессимизма как альтернативами видения благополучия или страдания в будущем.

Однако в рамках данной статьи мы анализируем оптимизм и пессимизм не как абстрактные категории философии или психологии. Наша цель – рассмотреть данные феномены с социологической точки зрения. Тем не менее, необходимо отметить, что подобное исследование неизбежно носит междисциплинарный характер. Во-первых, оптимизм и пессимизм – это субъективные переживания и оценки индивидами жизни в целом, а также перспектив на будущее. Во-вторых, это не только рефлексии, обусловленные исключительно психологическими особенностями, но также являющиеся отражением объективной реальности. И, наконец, в третьих, оптимизм и пессимизм носят социальный характер, поскольку эти альтернативные позиции отчасти сформированы обществом и по поводу общества, то есть отношений и процессов, которые в нем протекают. В рамках данного исследования оптимизм и пессимизм изучаются как социальные феномены, как социальные настроения. На этой основе было сформулировано рабочее определение понятий оптимизма и пессимизма.

Таким образом, оптимизм – это социальное настроение, характеризующееся позитивными самооценками индивидов,

оценками мира, общества, социальных групп, социальных процессов, а также тенденций их развития. Пессимизм, соответственно, будет проявляться в негативных оценках.

Концепция жизненных сил человека, развиваемая С.И. Григорьевым, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Растовым и др., способна расширить и углубить понимание изучаемых процессов. Данная концепция, по нашему мнению, обладает высоким методологическим потенциалом в изучении нашей проблемы. Виталистская социология, отличаясь специфическим категориальным аппаратом, способна выступить в качестве объяснительной модели формирования и динамики оптимизма и пессимизма в современном обществе. Перейдем к анализу и интерпретации основных категорий социологического витализма применительно к нашему исследованию.

Под жизненными силами человека авторы концепции понимают способность людей «... воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами» [1, с. 33]. Жизненные силы, в свою очередь, реализуются в рамках жизненного пространства как единства экологического, территориального, экономического, политического, и социально-бытового пространства среды обитания [2].

По мнению, Л.Д. Деминой и И.А. Ральниковой, изучающих психологическое здоровье с позиций витализма, психо-семантическая характеристика жизненных сил раскрывается в категориях «образ», «действие», «мотивация», «индивид»,

«личность», «индивидуальность», а также «психологическое время личности» [3]. Проанализировав содержание данных понятий, мы пришли к выводу, что отнюдь не все категории, характеризующие жизненные силы, представляют одинаковую ценность для нашего исследования. Категория «образ» является основой формирования индивидуальных и социально-групповых картин мира. Становление «образа» происходит под воздействием как личного, так и коллективного психосоциального опыта, а также на основе научного знания о людях. Если оптимизм и пессимизм представляют собой оценки человеком мира, себя в мире, а также перспектив на будущее, то использование категории «образ» позволит описать объективно-субъективные представления индивидов, сформированные как социальной реальностью, так и на основе личностного опыта и индивидуальных психологических особенностей каждого человека. Понятие «действие» характеризует структуру активности индивида, а «мотивация» является побуждающей основой этой активности. Потребности входят в структуру мотивации и представляют особый интерес для нашего исследования. Изучение социальных действий, мотивов и потребностей позволит выявить степень активности членов общества и косвенно определить, насколько оптимистично или пессимистично последнее. Как известно, оптимизм чаще всего проявляется в активности и ориентации на преобразование реальности. Пессимизм, напротив, чаще всего характеризуется пассивностью и квиетизмом. Ведь если нет веры в улучшение жизни в будущем, то нет и смысла действовать. Понятия «индивид», «личность» и «индивидуальность» являются второстепенными в данной работе. Несмотря на то, что мы исследуем общество с позиций социологического номинализма, а также не отрицаем некоторый «психологизм» данной работы, тем не менее считаем, что глубокое изучение индивидуальных особенностей респондентов не входит в задачи исследования. Категория «психологическое время личности» рассматривается в контексте планов на будущее. В виталистской социологии уделяется внимание жизненным перспективам, что также представляет методологическую ценность для изучения оптимизма и пессимизма. Жизненные перспективы условно разделены на три элемента:

1) ближайшая перспектива (включает планирование средств достижения цели),

2) средняя (включает постановку жизненных целей),
3) дальняя (анализ потребностей и мотивов – того, ради чего достигается цель) [4]. Анализируя планы на будущее, мы сможем выявить особенности социальных настроений. Так, например, если в ходе исследования будет выявлено отсутствие долгосрочных и четко оформленных планов на будущее, то можно будет косвенно заключить о пессимистических настроениях, проявляющихся в пассивности, и вызванных объективными социальными факторами.

Авторы концепции напрямую связывают степень удовлетворения потребностей индивидов и реализацию их жизненных сил. Эта идея близка основному положению данной работы о том, что оптимизм и пессимизм зависит от возможности удовлетворять основные потребности в рамках общества. Социолого-психологический аспект жизненных сил рассматривается как способность к удовлетворению потребностей по-

средством активной деятельности в основных сферах общества [5]. Таким образом, если индивид или социальная группа способны реализовывать свои потребности в контексте социальных отношений, то, условно выражаясь, их жизненные силы будут развиваться, что, несомненно, будет обеспечивать оптимистическое восприятие жизни. С другой стороны, оптимизм побуждает индивидов вступать в социальное взаимодействие по поводу удовлетворения базовых потребностей, предполагая веру в достижимость поставленных целей. Следовательно, жизненные силы общества и их реализация тесно связаны с социальными настроениями оптимизма и пессимизма. Они обуславливают друг друга в процессе жизнедеятельности общества. Иными словами, оптимизм можно назвать источником жизненных сил, и поступательно развивающиеся, реализующиеся жизненные силы общества являются гарантом оптимистического восприятия реальности. Это воля к жизни, к успеху и достижениям. В противном случае, фрустрация, недостижимость целей и невозможность реализовать свои планы провоцирует пессимистические настроения.

Другими важными категориями виталистской социологии являются: социальная и индивидуальная субъектности. Под социальной субъектностью понимается

«... способность индивида к решению общественно значимых задач, достижению социальных целей, к эффективному использованию в своих целях социально-организационных мер, общественных институтов» [1, с. 137]. Индивидуальная субъектность формируется на основе врожденных биологических особенностей человека и позволяет реализовывать его жизнь индивидуально-личностными средствами. Авторы концепции также выделяют несколько типов субъектности человека. К ним относятся: производственно-экономическая, политическая, духовно-культурная, социально-бытовая и правовая субъектности [1]. Понимание жизненных сил человека как единства его социальной и индивидуальной субъектностей позволяет сформулировать особенности поведенческих стратегий индивидов, групп или общества в целом. Так, например, первую стратегию можно условно назвать «коллективистской». Ее сущность заключается в том, что индивиды или социальные группы видят гарантию осуществления своих жизненных сил посредством использования тех или иных социальных институтов. Иными словами, жизненные силы реализуются организационно-коллективными средствами. Такая установка предполагает веру в поддержку индивида обществом, какой-либо социальной группой, властью. Вторую ориентацию можно охарактеризовать как «индивидуалистскую», содержание которой заключается в вере в собственные силы, целеустремленность, волю, таланты и т.п. Несомненно, в реальной жизни невозможно встретить «абсолютных» представителей вышеуказанных моделей поведения. В каждом человеке зачастую парадоксальным образом сочетаются эти жизненные стратегии, отражая индивидуальный и коллективный опыт.

Таким образом, анализ концепции жизненных сил человека представляет собой достаточно целостную теоретическую модель и позволяет раскрыть сущность процессов формирования оптимизма и пессимизма в современном обществе, что и требовалось доказать.

Библиографический список

1. Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская парадигма?: монография / под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. – Барнаул, 2000.
2. Словарь виталистской социологии / под ред. чл. – корр. РАО С.И. Григорьева. – М., 2006.
3. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: учебное пособие / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – Барнаул, 2000.
4. Современное общество и личность в социологии жизненных сил человека // Социальные детерминанты эволюции жизненных сил человека и общества / под. ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. – Барнаул, 1999.
5. Григорьев С.И. Концепция жизненных сил человека в структуре социологического знания / С.И. Григорьев, Л.Д. Демина, Ю.Е. Растов. – Барнаул, 1996.

Bibliography

1. Zhiznenniye sili cheloveka: social'naya metateoriya ili vitalistskaya paradigma?: monografiya / pod red. S.I. Grigorjeva, L.D. Deminoy. – Barnaul, 2000.
2. Slovarj vitalistskoj sociologii / pod red. chl. – корр. RAO S.I. Grigorjeva. – M., 2006.

3. Demina L.D., Ralnikova I.A. Psikhologicheskoe zdorovje i zathitnihe mekhanizmihi lichnosti: uchebnoe posobie / L.D. Demina, I.A. Ralnikova. – Barnaul, 2000.
4. Sovremennoe obthestvo i lichnostj v sociologii zhiznennihkh sil cheloveka // Socialnihe determinanti ehvolucii zhiznennihkh sil cheloveka i obthestva / pod. red. S.I. Grigorjeva, L.D. Deminoy. – Barnaul, 1999.
5. Grigorjev S.I. Konceptiya zhiznennihkh sil cheloveka v strukture sociologicheskogo znaniya / S.I. Grigorjev, L.D. Demina, Yu.E. Rastov. – Barnaul, 1996.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.4

Maslov M.S. CURRENT BOOK CASE OF RUSSIA AND SIBERIA: ASPECTS OF DEVELOPMENT. In article pressing question of a condition of modern regional book cases is considered. The analysis of self-appraisals and estimations of activity of the basic participants of book business reveals the problems demanding the decision. Activity of participants of book business has got different orientations that generates distruction studied social institute.

Key words: book publishing, bookselling activities, book business, the reader's interest, participants of book business, social significance, social institute, sociological research.

М.С. Маслов, аспирант АлмГАКИ, E-mail: maslovmc@mail.ru;

Р.А. Трофимова, д-р. социол. наук, проф. АлмГАКИ, E-mail: maslovmc@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО СИБИРИ ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

В статье рассмотрен актуальный вопрос состояния современного регионального книжного дела. Анализ самооценок и оценок деятельности основных участников книжного дела выявляет проблемы, требующие решения. Деятельность участников книжного дела приобрела разноректорную направленность, что порождает дисфункционирование изучаемого социального института.

Ключевые слова: книгоиздание, книготорговая деятельность, книжный бизнес, читательский интерес, участники книжного дела, общественная значимость, социальный институт, социологическое исследование.

Сегодня социологи солидарны в утверждении того, что реформирование российского общества привело не только к успехам в развитии рыночных экономических отношений и демократизации политической жизни, но и к существенным духовно-нравственным потерям. Протекающий процесс обездуховления большинства россиян имеет много причин. Попробуем выделить их посредством самооценок книгоиздате-

лей, книготорговцев, книгопокупателей, библиотечных работников состояния книжного дела в Сибири.

Начнем анализ самооценок книгоиздателей с таблицы, составленной нами по итогам изучения документации двадцати частных и двадцати вузовских (государственных) издательств, вошедших в выборку исследования (таблица 1).

Таблица 1

Формальные показатели обобщенной деятельности книжных издательств четырех регионов
Сибирского Федерального округа (в абсолютных цифрах)

№	показатели	Годы										
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	Издано (по наименованиям)	203	182	191	190	195	198	201	208	187	192	198
2	Суммарный тираж (в тыс. экземпляров)	203	120,5	191	152	159	189	201	203,5	102	110	135,65
3	Отмеченные премиями вузов органов власти, общественных организаций и вузов	53	49	56	89	63	71	68	56	69	73	76
4	Получили официальные рекламации	5	3	2	0	0	5	3	3	2	2	0
4.1.	В т.ч. по содержанию	1	0	0	0	0	2	1	1	0	2	0
4.2.	оформлению	2	2	1	0	0	1	1	0	0	0	0
4.3.	редактированию	0	1	1	0	0	2	1	1	0	0	0
4.4.	типографическому исполнению	2	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
4.5.	Срокам исполнения заказов	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0

Таблица 1 свидетельствует о сравнительно благополучности состояния сибирского книгоиздательства. Колебания в показателях изданных книг (по количеству наименований и тиражам), обусловленные экономическими кризисами, не выглядят катастрофическими, а малочисленность рекламаций на продукцию местных издательств характеризует ее как высококачественную. При этом семь рекламаций (из 25) связано

с контекстом (содержанием) изданных книг. Заметим, что под рекламациями, относящимися к содержанию книг, подразумеваются официальные заключения органов власти, судов и общественных организаций. Все рекламации подобного рода относятся к продукции частных издательств. Гипотеза о благополучии книгоиздания в Сибири, на первый взгляд, подтверждается диаграммами 1, 2 (рис.1).

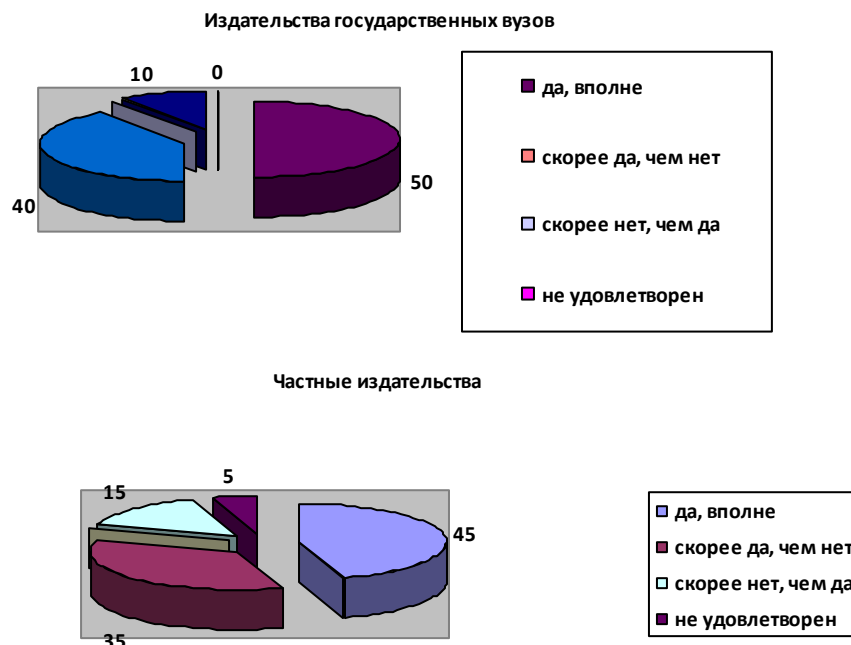

Рис. 1. Распределение ответов руководителей издательств на вопрос:
«Довольны Вы своей работой?» (в % к числу опрошенных)

Однако, это утверждение не выдерживает критики, когда дело доходит до углубленного анализа самооценок книгоиздателей и книготорговцев.

В сентябре 2009 года в Москве состоялась научно-практическая конференция по теме: «Социальная ответственность книжного бизнеса», на которой были оглашены результаты экспертного опроса, проведенного Центром коммуникативных технологий по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Выяснилось, что наиболее значимыми аспектами социальной ответственности книжного бизнеса эксперты считают: 1) художественную и / или научную ценность вновь публикуемых книг (средний ранг значимости этого аспекта измеряется условной величиной, равной 1,75); 2) просветительскую функцию книжного дела (ранговый показатель – 1,8); 3) технологическую качественность издаваемых книг (художественно-полиграфический уровень, корректура, верстка текста и т.п.) – усредненный ранг значимости – 3,2; 4) социальную политику работодателей на предприятиях книгоиздания и книготорговли по отношению к наемным работникам (т.е. соблюдение нормативов Трудового кодекса РФ) – ранговый показатель 3,6; 5) благотворительную деятельность – 4,4; 6) иные формы безвозмездной помощи социально ослабленным группам населения, своевременную и

полную уплату налогов – 5,9. Примечательно, что вопрос исследователей о качестве книжной продукции был понят в технолого-типографском стиле, без связи с содержанием книг, без учета влияния их прочтения на мировоззрение, духовность, морально-нравственные установки людей. Качество содержания (контекст) книг издателями не оценивалось вообще, они и организаторы опроса показывают, что такая оценка – не их забота, а дело литературоведов и читателей, социальных функций института книжного дела.

Многое из вышесказанного о региональных книгоиздателях в полной мере относится и к книготорговцам. По мнению руководителей крупных книготорговых фирм Сибирского Федерального округа, торговать художественной классикой (русской дореволюционной, советской и зарубежной), публицистикой, поэзией и социально-политической литературой, по убеждению книготорговцев, убыточно. Стабильный доход приносит торговля детективами, фантастической и приключенческой литературой, «женскими романами», сборниками анекдотов, учебниками и произведениями для детей. При этом эксперты-книготорговцы полагают, что они хорошо знают, в каких книгах нуждаются основные категории покупателей книг (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов руководителей книжных магазинов и фирм на вопрос:
«Знаете ли Вы читательские предпочтения следующих категорий покупателей?» (в % к числу опрошенных)

№	Категория читателей	Да, вполне	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не знаю	Трудно сказать
1	Студенты и учащиеся	90,0	10,0	0	0	0
2	Бизнесмены (частные предприниматели)	65,0	25,0	5,0	0	5,0
3	Чиновники	50,0	40,0	5,0	5	5,0
4	Служащие силовых структур	80,0	20,0	0	0	0
5	Интеллигенты (ученые, учителя, врачи, работники культуры)	55,0	20,0	10,0	10,0	5,0
6	Пенсионеры и инвалиды	75,0	95,0	0	0	0

Ниже будет показано, что таблица 2 иллюстрирует излишнюю самоуверенность руководителей книготорговых организаций, которая небезобидна, так как приносит ущерб не

только им самим, но и другим участникам книжного дела. Последнее замечание относится к таблице 3.

Таблица 3

Распределение ответов руководителей книготорговых организаций на вопрос: «Бывали ли случаи...?»
(в % к числу ответивших по каждой позиции)

№	Варианты продолжения вопроса	Варианты ответа			Итого
		Да	Нет	Не знаю	
1	жалоб покупателей на работу Вашего магазина	2,5	87,5	10,0	100,0
2	расторжения договоров с издательствами по их инициативе	15,0	85,0	0	100,0
3	оштрафования магазина органами власти и управления	95,0	5,0	0	100,0
4	судебных исков к магазину (фирме)	7,5	92,5	0	100,0
5	иных конфликтов с властью, издательствами, покупателями, общественными организациями, покупателями книг	12,5	75,0	12,5	100,0

Любая торговля, в том числе книжная, конфликтотенна. Поэтому низкие показатели первой колонки, особенно, по первой и пятой строкам таблицы 3 вызывают сомнения в искренности опрошенных книготорговцев. Эти сомнения усиливаются многочисленными случаями отказов предоставлять покупателям книги жалоб и предложений. Такие книги имеются во всех обследованных книготорговых центрах, но первому требованию покупателей получить их трудно. Об этом заявили 85% книгопокупателей, а интервьюеры убедились в их правоте лично. Кроме того, ознакомление с записанными в этих книгах замечаниями покупателей свидетельствует о том, что показатель, зафиксированный в левой верхней клеточке комментируемой таблицы, как минимум в десять раз занижен.

Обратим внимание на высокие показатели неудовлетворенности практикой взаимодействия книготорговых организаций друг с другом (62,5%), книжными издательствами, органами власти и общественными организациями (30% и выше). Здесь мы опять сталкиваемся с противоречивым желанием книжных бизнесменов такого (ныне существующего управления) их деятельностью, которое будет регулировать взаимодействие структур и учреждений книжного дела без ущемления самостоятельности бизнесменов. А сейчас перейдем к характеристике оценок, даваемых книжным бизнесменам, другими акторами книжного дела.

Речь пойдет о соответствии библиотечных фондов запросам читателей (смотри рис. 2).

Оценка руководителями библиотек соответствия библиотечных фондов запросам читателей (в %)

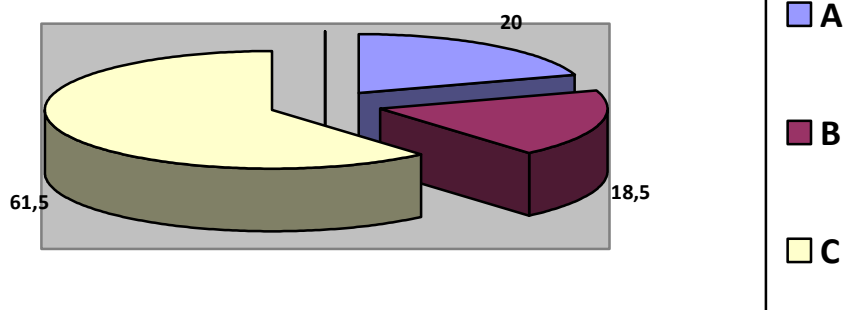

Рис. 2.

А – фонд библиотеки превышает запросы большинства читателей

В – фонд удовлетворяет все запросы читателей

С – фонд явно не удовлетворяет запросы читателей

Уточним данные рисунка 2. Когда руководители библиотек говорят о том, что книжные фонды не удовлетворяют запросам читателей, то они имеют в виду два качественных неравноценных обстоятельства – несоответствие содержания фонда потребностям: а) некоторых читателей; б) большинства читателей. Поэтому показатель 61,5% образуется сложением 15,5% (столько ответов по варианту а) и 46% (ответивших по варианту б). На вопрос: «Заявки на литературу каких жанров Ваша библиотека чаще всего: а) удовлетворяет в какой мере; б) не удовлетворяет?» были получены разнообразные ответы, систематизация и соответствующие подсчеты, которых позволяют сделать такие выводы:

- Муниципальным библиотекам явно не достает литературы: религиозной, особенно, православной; научно-популярной; учебной (по программам начального и среднего профессионального образования); справочной, в т.ч. словарей; краеведческой (книг местных авторов и изданий художественного, историче-

ского и культурологического характера); классической художественной, как российской, так и зарубежной; исторических романов и мемуаров.

- Большинство государственных (религиозных и вузовских) библиотек испытывают дефицит, прежде всего: переводной научной литературы; отечественной научно и научно-популярной литературы по социальной проблематике (социологической, экономической, юридической, политической и конфликтологической и экологической); учебно-методической (по профилактике высшего и поствузовского образования, а также организации бизнеса); справочной (по отраслям знания); краеведческой (по всем направлениям этого жанра).

Эти выводы, интегрирующие оценки шестидесяти руководителей библиотек региона Сибири, слабо согласуются с установками книгоиздателей на производство и воспроизводство развлекательной литературы в т.ч. легких жанров, что

обнаруживает комплекс проблем, нерешенность которых тормозит развитие социального института книжного дела.

Важно заметить, что население региона (точнее, ее репрезентативная группа, ставшая нашими респондентами) деятельностью библиотек довольна в гораздо большей степени, чем работой книгоиздательств и книготоргов. Из четырехсот опрошенных покупателей книг книжные магазины посещают: а) систематически, точнее не менее 1 раза в месяц, 82 человека (20,5%); б) периодически (раз в 2-3 месяца) – 152 (38%); в) редко – 166 (41,5%), в т.ч. оказались в книжном магазине покупатели книг – 51,5%.

Удельный вес несостоявшихся покупателей (46,5%) среди редких посетителей книжных магазинов выше, чем среди покупателей периодически посещающих магазин, и, особенно, систематических клиентов книготоргов. Это вполне естественно. Однако эти проценты указывают и на обратную связь – редкие приходы в книготорги могут быть следствием неоднократных неудач в поиске нужного произведения.

Ценообразование книжной продукции, изготовленной как местными, так и центральными издательствами, остается неведомой ее покупателям. Многие из них задают продавцам книг вопросы типа: «Почему качественно изданная (на хорошей бумаге и в надежном переплете) книга московского изда-

тельства стоит столько же (или даже дороже) такой же по объему книги, изготовленной местным издательством на газетной бумаге, в т.ч. в мягком переплете, разваливающимся в руках читателя?» Как правило, удовлетворяющего книгопокупателя ответа не дают ни продавцы, ни издатели, что естественно, снижает желание приобретать продукцию частных региональных издательств. Большинство книгопокупателей недоумевает по поводу отсутствия в книготоргах практики торга, в т.е. рыночных механизмов процедуры купли-продажи книг. В этой связи показателен результат (90,5% покупателей считают, что торговаться при покупке книг неуместно), отражающий соотношение ответов книгопокупателей на вопрос: «Торгуетесь ли с продавцами при покупке книг?»

Анализ самооценок и оценок деятельности основных участников книжного дела обнаруживает большое количество проблем, требующих решения. То, что устраивает книгоиздателей, противоречит интересам потребителей книжной продукции. Практика книготорговли не проявляется ни у книгопокупателей, ни у библиотечных работников, а предложения последних игнорируются производителями книг. Деятельность структур системы книжного дела приобрела разновекторную направленность, что порождает дисфункционирование изучаемого нами социального института.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.4

Fotieva O.N. EXTREMISM AS SOCIAL PATHOLOGY. In the article the basic senses of concept of "social pathology" are analyzed and their general kernel is isolated. On this basis the extremism phenomenon is considered, two various aspects of concept of extremism are allocated and there is shown that the extremism, in its second aspect, can be classified as social pathology.

Key words: social pathology, ethnopolitical extremism, ideology and practice of extremism.

О.Н. Фотиева, аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: ollyanf@yandex.ru

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

В статье анализируются основные смыслы понятия «социальной болезни» и вычленяется их общее ядро. На этой основе рассматривается феномен экстремизма, выделяются два различных аспекта понятия экстремизма и показывается, что экстремизм, во втором его аспекте, может быть классифицирован как социальная болезнь.

Ключевые слова: социальная болезнь, этнополитический экстремизм, идеология и практика экстремизма.

В понятие социальной болезни, как известно, вкладываются два устойчивых, но разных смысла. Первый сформировался в рамках медицины, и, согласно ему, к социальным болезням относятся заболевания, связанные с неблагоприятными социально-экономическими условиями: туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомания и т.д. Они являются спутниками бедности, войн и других социальных катаклизмов. Принято считать, что уровень заболеваемости социальными болезнями отражает социально-экономическую ситуацию в стране. В данном случае термин «болезнь» употребляется в своем прямом смысле.

Второй смысл понятия «социальная болезнь» связан с социальными науками и в широком смысле близок понятию «социальная проблема». Здесь термин «болезнь» употребляется в переносном смысле (вначале более употребительным был термин «социальные патологии»), и здесь очевидна аналогия с биолого-медицинскими представлениями, когда социальные проблемы воспринимаются как угрозы нормальной работе *социального организма*. Во многом эти представления опирались на органическую школу в социологии, основателем которой является Г. Спенсер. Кроме подхода *социальной патологии*, можно также выделить подходы *социальной дезорганизации* (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Р. Маккензи, и др.) и *функционалистский* (Р. Мертон, Р. Нисбет и др.). В последнем социальные проблемы и соответствующие им виды девиант-

ного поведения рассматриваются как нормальное реагирование людей на социальную ситуацию, в которой они оказываются. «Наша главная задача состоит в том, чтобы понять, каким образом *социальная структура* побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению» [1, с. 29]. В конце 20 века большую роль приобрел конструкционистский подход, основные идеи которого были сформулированы М. Спектором и Дж. Китсьюзом. Социальные проблемы понимаются здесь «...как *деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий*. Социальные проблемы, с этой точки зрения, конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным условиям и выступающими с требованием их изменения» [2, с. 273]. Но, так или иначе, при всех расхождениях данные подходы близки в том, что социальные проблемы – это то, что препятствует нормальному функционированию и развитию общества в целом, а, значит, и его членов.

В чем отличие понятия «социальная проблема» от понятия «социальная болезнь»? Как пишет И. Рывкина, понятие «социальные проблемы» «высвечивает отдельные негативные черты общества (например, проблему безработицы, проблему бедности, проблему преступности и др.). Но оно не ориентирует на изучение здоровья общества как целого, как социаль-

ной системы... Если в обществе накапливается поведение, которое не соответствует ожиданиям общества, то есть накапливается «аномальное», «ненормативное поведение», то наступает социальная дезорганизация. Такое общество можно считать больным» [3].

На наш взгляд, с учетом вышесказанного, различие здесь надо проводить более тонко, особенно учитывая, что многие социальные болезни являются одновременно и сугубо медицинскими, как, например, наркомания. Судя по всему, можно применять термин «социальная болезнь» именно по отношению к тем социальным проблемам, когда налицо, во-первых, прямой медицинский аспект ситуации, как в случаях той же наркомании, или СПИДа, или проблем инвалидов, или тех или иных психических отклонений. Таким образом, например, безработица, это скорее социальная проблема, чем социальная болезнь. Во-вторых, социальная болезнь, как и медицинская, имеет свойство «заражения», то есть индивид, подверженный ей, имеют влияние на социальное окружение. Таким образом, **два вышеотмеченных смысла термина «социальная болезнь» обнаруживают общее ядро.**

Данный подход является, на наш взгляд, весьма продуктивным при интерпретации многих современных социальных явлений и в том числе **экстремизма**. В последнее время многие авторы относят различные формы экстремизма к числу социальных болезней, среди которых выделяется этнополитический экстремизм, вызывающий растущую озабоченность как правительств многих стран, так и специалистов, и населения. Но в то же время часто подчеркивается размытость и неопределенность самого понятия экстремизма. В.С. Мартынов и Л.Г. Фишман считают, что в самом общем приближении экстремизм «...это *политическая практика*, в основе которой лежат *радикальные идеи*, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя» [3, с. 3]. В то же время В.Е. Петрищев определяет его следующим образом: «Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – приверженность отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм)» [4, с. 35] Как легко видеть, первое определение однозначно связывает экстремизм с политической практикой, второе же определение гораздо шире. Сразу скажем, что оно нам представляется более адекватным, хотя бы потому, что большинство авторов выделяют разные виды экстремизма: политический, религиозный, национальный, социальный, социоэкономический и т.д., то есть виды, которые могут не иметь выраженной политической окраски.

Таким образом, налицо смешение *двух, совершенно различных аспектов данного понятия.*

Первый связан с неприятием определенными социальными группами существующего политического строя и с действиями, которые в рамках данного строя относятся к нелегитимным. При этом легитимность действий самого государства может рассматриваться в рамках международного права, которое в качестве наднационального, основанного на правах человека, может признавать действия *государства* нелегитимными. Отметим, что различные, в том числе нелегитимные практики, направленные на изменение тех или иных социальных институтов (в том числе института власти) подпадают под классификацию конструкционистского подхода. «Исключительно важное место в рамках конструкционистского подхода занимает модель *стадий социальной проблемы* Спектора

и Китсьюза, более сложная по сравнению с версией Фуллера и Майерса. Она включает следующие стадии. Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предаст эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает данное условие предметом общественного внимания и политического интереса. Стадия 2. Признание обоснованности требований этой группы некоторыми официальными органами. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформы, созданию официальной организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования. Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований инициативной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям. Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от надежды на деятельность официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов» [2, с. 268]

Второй же аспект, на наш взгляд, отражает специфические психологические установки определенных групп и индивидов, которые классифицируются как патологические или близкие к патологическим с собственно медицинской точки зрения. Как пишет О. Бахтияров, участники экстремальных действий, как правило, находятся в измененных состояниях сознания, при которых изменяется картина мира, базовые ценности, механизмы восприятия и оценки окружающей среды. Понять экстремальное явление можно лишь сформировав особое сознание, сочетающее в себе ключевые регулярные и экстремальные характеристики, в частности, при использовании специальных деконцентрационных психотехнологий. [4].

Таким образом, данное явление требует самого пристального внимания не только социологов, но и социальных психологов и медиков. Типичным примером являются так называемые «молодежные субкультуры» экстремистски-националистической ориентации, например, скинхэды. Исследователи классифицируют данное явление именно как социальную болезнь; так, например, Ягубян А.В. анализирует данное явление, опираясь на работы А. Адлера и введенные им понятия «комплекса неполноценности», «компенсации и сверхкомпенсации». Как известно, «комплекс неполноценности – это психопатологический синдром и одновременно особая форма мироощущения и поведения отдельных индивидов. Он заключается в стойкой уверенности человека в собственной неполноценности как личности... Позднее это, чувство вытесняется в бессознательное. Парадоксальным является то обстоятельство, что комплекс неполноценности зачастую переходит в комплекс превосходства. Социальная неприспособленность, неуверенность в себе сменяется искаженным стремлением самоутвердиться любой ценой... На этой психологической основе возникает стойкая установка на деструктивное агрессивное поведение» [5]. При этом скинхэды, по мнению автора, это «продукт тяжелых социальных потрясений, маргинальные элементы, балансирующие на грани законности и правопорядка... Одни из них сублимируют свою неудовлетворенность в клубах и на дискотеках, другие находят утешение в алкоголе и других наркотических средствах, а третьи, чтобы хоть как-нибудь отличаться, сбрасывают на голове волосы и с криком “бей жидов, спасай Россию!” бросаются на кавказцев, азиатов, негров» [там же]. Иными словами, и идеология, и действия подобных экстремистских течений иррациональны и характеризуются следующими основными признаками: безапелляционность, агрессивность, предельно жесткое деление социума на «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших».

Предложенный нами подход, на наш взгляд, дает основания выделить в широком спектре идеологий и практик, которые сейчас классифицируются как экстремистские, две группы, соответственно двум выделенным выше аспектам. Оценка социального статуса данных групп; последствий их деятельности для общества в целом (конструктивной или деструктив-

ной); а также выработка мер по адекватному реагированию на из деятельности – *принципиально различны в зависимости от того, о какой из этих двух групп идет речь*. Таким образом, данный подход может иметь не только теоретическое, но и практическое значение.

Библиографический список

1. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. – 1992. – № 2-4.
2. Ясавеев, И. Социология социальных проблем // Социология. – Казань, 2001.
3. Рыбкина, И. Социальное нездоровье современной России как предмет изучения социальной науки [Э/п]. – Р/д: [hse.ru › data/549/870/1238/тезисы_28.10.08.pdf](http://hse.ru/data/549/870/1238/тезисы_28.10.08.pdf)
4. Бахтияров, О.Г. Экстремистские ресурсы общества [Э/п]. – Р/д: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/bahtijarov8.html>
5. Ягубян, А.В. Национал-экстремизм как одно из проявлений социальной болезни общества [Э/п]. – Р/д: edu.eup.ru/Documents/2003-01-30/930E.asp

Bibliography

1. Merton, R.K. Socialjnaya struktura i anomiya // Socis. – 1992. – № 2-4.
2. Yasaveev, I. Sociologiya socialjnihk problem // Sociologiya. – Kazanj, 2001.
3. Rihvkina, I. Socialjnoe nezdorovje sovremennoj Rossii kak predmet izucheniya socialjnoy nauki [Eh/r]. – R/d: [hse.ru › data/549/870/1238/tezisih_28.10.08.pdf](http://hse.ru/data/549/870/1238/tezisih_28.10.08.pdf)
4. Bakhtijarov, O.G. Ehkstremitstskie resursih obthstva [Eh/r]. – R/d: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/bahtijarov8.html>
5. Yagubyan, A.V. Nacional-ehkstremitizm kak odno iz proyavlenij socialjnoy bolezni obthstva [Eh/r]. – R/d: edu.eup.ru/Documents/2003-01-30/930E.asp

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.3:314.6

Shrayber A.N. **REHABILITATION OF INSTITUTIONAL PARENTHOOD.** The urgency of the theoretic-methodological basis of the solution of demographic problems in Russia is analyzed in the article. The various sociological approaches to the understanding of the parenthood are considered there. The main author's attention is focused on the sociological analysis of the term of the parenthood as a social institution.

Key words: social institution, institutional set-up, parenthood, transformation of family institution, motherhood, fatherhood, demographic problems.

А.Н. Шрайбер, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: ka-lina2007@yandex.ru

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА РОДИТЕЛЬСТВА

В статье анализируется актуальность теоретико-методологической базы решения демографических проблем в России. Рассматриваются различные социологические подходы к осмыслению родительства. Основное внимание автора концентрируется на социологическом анализе понятия родительства в качестве социального института.

Ключевые слова: социальный институт, институциональный подход, родительство, трансформация института семьи, материнство, отцовство, демографические проблемы.

В связи с изменениями и негативными явлениями в демографической ситуации России становится актуальным изучение родительства в качестве отдельного социального института. Для современной социологии вопрос о родительстве является недооцененным, мало изученным и запутанным. Следовательно, в современной научной литературе нет четкого определения понятия родительства, т.е. происходит подмена понятий, нет четких критериев отнесения к родительству, вариативность понятия. Такая теоретико-методологическая неопределенность обуславливается тенденцией последних десятилетий – разделения родительства и семьи. В настоящее время имеется целый ряд социальных показателей, свидетельствующих о трансформации родительских отношений в современной России. Среди них: гражданский брак; феномен сознательной бездетности; увеличение числа семей с одним родителем; отделение родительства от биологической основы; профессионализация родительства; отделение родительства от сексуальной основы; сдвиг родительства на более ранний или более поздний возраст [1]. В этой связи появляется необходимость пересмотра теоретико-методологической базы изучения феномена родительства.

Анализ зарубежных и российских исследований свидетельствует, что изучение родительства в качестве самостоятельного феномена в социологии это формирующееся направление. В России исследований родительства непропорционально мало в сравнении с высокой потребностью в них не только в связи с трансформацией брака и дальнейшим разви-

тием родительства как независимого явления, но и исходя из практических задач разработки федерального и регионального законодательства, совершенствования социальной политики.

Исходя из потребностей общества и государства, основной задачей социологии на сегодняшний день является корректировка и конкретизация теоретико-методологической базы реализуемых в России демографических программ.

Развитие каких социальных институтов должно быть положено в основу этих программ – материнства, отцовства, родительства или семьи? Сформулированный вопрос, к сожалению, в сознании многих законодателей и чиновников не возникает. Он не осмысливается теми, кто не видит сущности отличий между вышеназванными понятиями. Почему не задумываются над эмпирически очевидными фактами увеличения случаев бессемейного материнства и отцовства, с одной стороны, бездетных семей с другой, и детных безродительских (в том числе безотцовских и безматеринских) семей?

Упрека заслуживают не только лица, принимающие и реализующие социально-демографические программы, но и социологическая теория. Она рекомендует практикам-управленцам упрочивать и совершенствовать, прежде всего, социальные институты, образующие общественную жизнь. Но при этом считает социальным институтом и семью [2], и материнство [3], и отцовство [4], и зачастую забывает про институт родительства.

Изучение родительства в рамках социологического подхода связано, прежде всего, с проблематикой функциональной

трансформации института семьи в современном российском обществе. Это предполагает комплексное исследование, включающее элементы гендерной социологии, социологии детства, феминологии, и др. В то же время смысловым центром такого исследования является изучение состояния родительства на основе структурных и функционалистских представлений о природе и сущности социального института.

На Западе (преимущественно в США) проводится множество исследований родительства. Зарубежные специалисты выделяют метатеории, которые позволяют делать общие предположения о роли родителей в развитии ребенка. Биопсихосоциальный подход представлен теорией развивающихся систем Р. Лернера, эволюционной психологией, например, работы Д. Белла об эволюции «нейросистемы заботы». Теория семейных систем предполагает анализ динамики отношений, включая и влияние детей на родителей, эффективности родительно-детского общения, представлена в работах Д. Олсона, К. Рассел, Д. Спрэнкла. Теория научения А. Бандуры востребована для интерпретации данных, например, при изучении гендерной социализации. Одно из устоявшихся направлений родительства – исследования в рамках теории развития семьи Э. Дювол, Р. Хилла, К. Рассел.

В 1970-1980-е годы в рамках феминистской перспективы появляются работы, которые направлены на критику психоаналитических и структурно-функциональных концепций. В них анализируется материнство как социальный институт и реальные практики материнства. Это работы Д. Диннерстайн, Э. Оэкли, С. Раддик, А. Рич, А. Росси, Б. Фридан, Н. Чодоров, К. Хорни, А. Хоксчайлд. В 1990-е и 2000-е годы изучение материнства продолжается в русле феминистского подхода под влиянием этих концепций. В 1980-е гг. в определенном мере как реакция на исследования женщин получили развитие и исследования мужчин, в рамках которых изучается и отцовство – Р. Ла-Росса, М. Лэм, Дж. Плек.

В отечественной общественной науке проблематика, связанная с трансформационными явлениями в социальном функционировании института семьи, брака и родительства, также нашла широкое отражение. Общие проблемы плодотворно рассматривались в работах А.И. Антонова, И.В. Бестужева-Лады, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, С.И. Голода, И.А. Гундарова, А.А. Клецина, А.Г. Харчева, Н.Г. Юркевича, Н.А. Соловьева, М.С. Мацкого, Ю.Б. Рюрикова, В.А. Ядова и др., а основные сегодняшние тенденции в функционировании российской семьи нашли отражение в исследованиях Т.М. Афанасьева, И.В. Гребенниковой, Л.В. Лебедевой, В.М. Медкова, А.Б. Синельникова, С.А. Сорокина, Н.И. Стрельниковой и др.

С начала 1990-х годов родительство в качестве самостоятельной категории исследуется на эмпирическом уровне: проведены исследования незамужних матерей различного брачного статуса, в которых изучались их социально-экономические проблемы, нарушение прав в сложный период трансформации общества (Е.А. Баллаева, М.В. Библицкая, Л.Г. Луныкова, А.Р. Михеева). Исследовались особые проблемы родителей детей инвалидов (Е.Ф. Ачильдиева, Е.В. Кулагина, Е.Р. Ярская-Смирнова, Л.В. Ясная), анализировались социально-экономические причины материнского отказа от детей (О.Г. Исупова, М.Г. Панкратова). Специальное внимание уделялось многодетным родителям (А.И. Антонов, Е.Ф. Ачильдиева, С.С. Балабанов, З.Х. Саралиева, И.О. Шевченко, П.В. Шевченко), выплате алиментов и общению отцов с детьми после развода (М. Валетас, Л.М. Прокофьева).

Актуальной проблемой институциональной социологии является вопрос: что считать социальным институтом, который находится в основе общественной жизни? Существует несколько вариантов ответа на данный вопрос. В зарубежной и отечественной социологической литературе мы привыкли сталкиваться с понятием институт семьи. И может быть семья отвечает основным требованиям отнесения того или иного явления к институту: наличие общественно значимых функций, ролевой структуры, системы норм и правил, определенных учреждений и символов. Но как быть с таким фактом, что

в большинстве современных словарей социальный институт определяется как форма или вид устойчивой и общественно необходимой деятельности [5, 6]. Так же под внешним социальным влиянием происходит внутренняя трансформация института семьи. В связи с разделением семьи, брака и родительства, можно говорить о потере таких социально значимых специфических функций института семьи как воспроизводство и воспитание. Так же современная социальная ситуация говорит нам об утрате обществом таких ценностей как семья, дети, домашний очаг. И если общественный институт перестает быть значимым элементом в обществе, то ни о каком институциональном статусе не может быть и речи. В социологии как это ни странно, до сих пор подобный вопрос не решен. Большинство социологов по привычке повторяют, что семья – это социальный институт, не задумываясь над теоретическими и практическими последствиями этих повторений, в том числе не приняв родительской деятельности как фундаментально значимого феномена.

В науке и политике стал актуален вопрос материнства. Считать ли институт материнства основой всего общества, здесь много противоречий, но исходя из государственной политики в пользу материнства, то можно говорить о наличии больше положительных моментов. Что касается отцовства в качестве основополагающего социального института, здесь так же не обходится без дискуссий. Наука и государство понимает, что расставляя приоритеты на институт отцовства, будет трудно добиться положительных тенденций в приросте населения, как в количественных, так и в качественных показателях. Это объясняется общепринятыми моделями социального поведения мужчин-отцов в нашем обществе.

На наш взгляд, родительство – социальный институт, лежащий в основе общественной жизни. В институциональной парадигме принято выделять ряд признаков, по которым мы можем определить, какое явление общественной жизни является социальным институтом. В зарубежной и отечественной литературе по социологии выделяется достаточно широкий спектр таких признаков. При концептуальном анализе изучаемой нами проблемы была проделана работа по соотношению родительства к социальному институту по выделенным институциональным признакам. Опишем наиболее фундаментальные из них.

Прежде всего, нужно указать, что социальный институт – это устойчивый, закономерный, социально необходимый и повторяющийся вид деятельности. Данные признаки мы можем отнести к феномену родительства. В связи с этим в обществе родительство – общепринятый и юридически закрепленный вид деятельности, который удовлетворяет потребности общества и государства по воспроизводству населения. По мнению П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, социальный институт это – хабитуализированная деятельность, т.е. исторически «опривыченная» и ставшая образцом поведения [7]. Литература позволяет нам заглянуть в период христианской Руси, Петровских времен, дореволюционное и послереволюционное время. На каждом из этих этапов мы можем проследить развитие брачно-семейных, родительских отношений. Большой круг ученых интересовался проблематикой русского, а потом и российского родительства, это – Н.А. Бердяев, У. Вейдль, А.М. Коллонтай, М.Н. Вернадская и др. Родительство как социальный институт имеет общие для всех институтов функции, это обеспечение функционирования и развития общества с одной стороны, социализация и контроль, с другой. Специфическими функциями будут являться воспроизводство и воспитание. Выполняя свои функции, родительство, тем самым, решает актуальные социальные проблемы общества, в настоящее время связанные с рождаемостью. Так же отвечая методологическим нормам отнесения к социальным институтам, мы можем сказать, что родительство имеет следующие составляющие: определенные роли и структуры (материнство, отцовство); материальную базу, в виде поддержки государства и собственных родительских ресурсов; учреждения (семья); систему норм и правил, регламентирующих деятельность по выполнению функций. Как и любой социальный институт,

родительство развивается под влиянием двух механизмов, экзогенных и эндогенных. Экзогенными факторами развития и изменений является общество и государство (например, общественное мнение, законодательство). Эндогенными факторами – внутриинституциональные традиции и нормы. Так же родительство как социальный институт является опорой, на которой строится общественная жизнь, это первичная структура общества. Причем, институт родительства не имеет четкой привязки к определенной стороне общественной жизни, он действует одновременно во всех сферах, будь то экономическая, социальная, культурная, политическая.

Таким образом, применив основные институциональные признаки к родительству, мы можем сделать вывод о состоя-

тельности нашего тезиса о том, что родительство является социальным институтом. А ориентация научного сообщества и государства на семью, а тем более на материнство как институтов, лежащих в основе общества, методологически не верна. В основе демографических программ должны быть интересы родительства, института способного решить актуальные задачи общества, а именно увеличения количественных и качественных показателей рождаемости, повышения уровня безопасности и благосостояния населения, уменьшение количества детей-сирот и возрождения нравственных отношений между мужчинами и женщинами.

Библиографический список

1. Гурко, Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социс. – 1997. – № 11.
2. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М., 1996.
3. Сологуб, Л.Г. Материнство как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001.
4. Кон, И.С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. – 2005. – № 9.
5. Голованов, О. Краткий словарь по социологии [Э/р]. – Р/д: <http://voluntary.ru/search/>
6. Осипов, Г.В. Институциональная социология // Современная западная социология: словарь / Г.В. Осипов, А.И. Кравченко. – М., 1990.
7. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Истоки институционализации [Э/р]. – Р/д: http://polbu.ru/berger_socialdesign/ch07_all.html

Bibliography

1. Gurko, T.A. Roditel'stvo v izmenyayutikhysya sociokul'turnihkh usloviyakh // Socis. – 1997. – № 11.
2. Antonov, A.I. Sociologiya semji / A.I. Antonov, V.M. Medkov. – M., 1996.
3. Sologub, L.G. Materinstvo kak social'nyiy institut: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. – M., 2001.
4. Kon, I.S. Otcovstvo kak sociokul'turniy institut // Pedagogika. – 2005. – № 9.
5. Golovanov, O. Kratkiy slovarj po sociologii [Eh/r]. – R/d: <http://voluntary.ru/search/>
6. Osipov, G.V. Institucional'naya sociologiya // Sovremennaya zapadnaya sociologiya: slovarj / G.V. Osipov, A.I. Kravchenko. – M., 1990.
7. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya. Istoki institucionalizacii [Eh/r]. – R/d: http://polbu.ru/berger_socialdesign/ch07_all.html

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК: 316.334.5

Yakovleva I.Y. A STRATEGY OF THE STABLE DEVELOPMENT AS A CONCEPITIVE PREREQUISITE OF THE ECOLOGY ORIENTATED ECONOMY. A stable development of the society means the division of some problems, one of main – is a satisfy of the humanity as a biological kind and a society as well. To supply a safe stable development it's necessary to supply the protection of the resource potential of modern Russia.

Key words: stable development, social life, ecology orientated economy, ecological safety.

И.Ю. Яковлева, доц. филиала РГСУ в г. Дедовске Московской области, E-mail: i.yu.yakovleva@mail.ru

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Устойчивое развитие общества предусматривает решение ряда проблем, одной из основных является сохранение человечества как биологического вида и как общества. Для обеспечения безопасного устойчивого развития общества необходимо обеспечить защиту ресурсного потенциала современной России.

Ключевые слова: устойчивое развитие, общественная жизнь, экологически ориентированная экономика, экологическая безопасность.

Предшествующее десятилетие ознаменовалось в плане управления экологической безопасностью, созданием концепции устойчивого развития. Ей предшествовало осознание того, что достижение целей устойчивого развития предполагает разрешение целого комплекса противоречий, среди них можно указать следующие: необходимость воздействия на природу и необходимость её охраны; использование ресурсов и в то же время их сохранение; научно-технический прогресс, обеспечивающий рост потребления и нравственно-гуманистического требования нормирования потребностей; и наконец, противоречие между традициями и новациями, самодостаточностью как первых, так и вторых.

Существуют различные подходы к разрешению этих противоречий и поиску компромиссов в системе природа – общество. Среди подобных методологических подходов можно выделить следующие:

- алармизм, т.е. ожидание скорых экологических катастроф и быстрого истощения ресурсов;

- экологический оптимизм, или вера в возможности коэволюции, в переход мировой и национальных экономик на возобновляемые ресурсы;
- рационализм, под которым понимается вера в опережающее развитие науки, в том числе гуманитарной, включение её достижений в решение глобальных проблем;
- экологический реализм, или актуализация проблем, использование позитивного опыта решения экологических проблем и регламентации воздействий на природу и пр.;
- биотическая регуляция, т.е. определение ёмкости биосферы по отношению к воздействиям человека, сохранение биоты и природных экосистем как «гарантов» её устойчивости.

В дискуссии о перспективах и последствиях взаимодействия природы и общества участвуют разные стороны, отражающие весь спектр гуманитарных воззрений на будущее и

все аспекты нравственных основ ответственности перед будущим. Среди них «геисты» (от «Гёя» Д.Лавелока), которые говорят, что всё саморегулируется; «армагедонисты» (пессимисты), ожидающие близкого конца света из-за нарастающего экологического кризиса; «изобилисты» (оптимисты), подчёркивающие, что пределов развития нет и потенциал Земли, в том числе природные ресурсы, присутствуют на Земле в избытке; «рационалисты», объединяющие всех в поисках рецепта выхода из «затянувшейся болезни» – антропогенной деградации природной среды; наконец, «равнодушные», рассуждающие так: наш век короткий, нам хватит. К сожалению, последнюю группу формируют и учёные – экологи, географы, которые выбирают направлением своих исследований фиксацию разрушения экосистем, мониторинг загрязнения природных сред и пр.

Общие позиции почти для всех названных категорий – необходимость сохранения биосферы в близком к исходному состоянию. Различия заключаются в прогнозах, сценариях, используемых для прогнозирования методах, в определении пропорции сохранности и преобразования среды.

Устойчивое развитие предусматривает решение ряда проблем, среди которых основная проблема – проблема сохранения человечества как биологического вида и как общества. Эта проблема – двоякая и требует различных средств для ее решения, среди которых выделяются с одной стороны, научно-технические средства, а с другой стороны, социально-политические средства, включающие весь комплекс экономических, политических и культурных институтов. Для решения этой проблемы необходимо сохранять природные комплексы, биогеоценозы, существенно ограничить использование природных ресурсов, принимать во внимание в программах социального развития требования экологических законов, включать в практику принятия властных решений на всех уровнях управления, экологические требования. Иными словами, для обеспечения безопасного устойчивого развития общества следует радикально перестроить технологические процессы в соответствии с ограничениями природного характера, обеспечить защиту ресурсного потенциала, включая демографический, от уничтожения, деградации и вредного использования, всемирно обеспечивать опережающее развитие естественных наук, а также, что представляется самым трудным, изменение культурных концептов национального менталитета; последнее особенно актуально для развивающихся стран, в число которых постепенно входит и Россия, в которой наблюдается тенденция спада общественной значимости задач национальной безопасности.

Общество более или менее эффективно способно управлять в определенной мере и природными, и техническими, и социальными системами, и человеком. Однако, тенденции развития общественных систем постоянно порождают условия, в которых общество сталкивается с неуправляемыми процессами, имеющими негативные последствия. Притом все попытки уменьшить и отрегулировать эти процессы оказываются недостаточно эффективными и даже неудачными. Отсюда следует, что попытки решения частных задач сиюминутными способами должны смениться целой системой адаптации общества к требованиям законов природы. В этом состоит важнейшее требование устойчивого развития. Негативные последствия традиционного индустриального и постиндустриального развития требуют радикального изменения всей системы не только экономических, но уже и витальных приоритетов. Экологически направленной должна стать не только трансформация рыночной системы с присущими ей системами социальной и политической организации управления, но и трансформация государственно-регулируемой экономики, оказавшейся перед лицом экологической угрозы ничуть не более способной управлять процессами выживания человечества, чем рыночная.

Современный этап разработки концепции устойчивого развития требует новых мировоззренческих, теоретических и методологических подходов к решению проблем развития нашей страны. Можно говорить о складывании новой социальной картины мира, новой философии, экономики и политики.

Стратегию устойчивого развития наиболее чётко и содержательно можно определить как стратегию развития, направленную на достижение гармонии между природой и обществом, гармонии, не ограниченной рамками экономических, политических, технологических или культурных процессов.

Для категории «устойчивое развитие» имеют значение две основные стороны её содержания. Во-первых, это констатация возможности дальнейшего постоянного, непрерывного и максимально долгого развития человечества и вследствие этого возможности сохранения качества бытия настоящего поколения в будущих поколениях. Во-вторых, это стремление к сохранению биосферы как основного условия сохранения и эволюции жизни на Земле, и возможно, за её пределами. Однако эти предельно широкие содержательные стороны необходимо конкретизировать, чтобы выработать понятие устойчивого развития. основополагающей характеристикой такого развития является то, что оно должно быть для общества безопасным во всех отношениях, т.е. позволяющим избегать социальных и природных катастроф и тем самым обеспечивать решение позитивных общецивилизационных задач. Экологическая безопасность является производной от экономической и технологической безопасности; пренебрежение любой из них чревато экологической катастрофой: локальной, региональной или глобальной.

В связи с разработкой и поиском методов реализации стратегии устойчивого развития встаёт вопрос о субъекте этих процессов. Существует точка зрения о том, что в качестве такого субъекта выступает сложная глобальная система, соединяющая воедино человека, общество и природу [1]. Правда, сразу же замечается, что критерий устойчивого развития носит рациональный характер. Последнее обстоятельство позволяет считать субъектом всё-таки социальное образование, любую форму социума. Мысль же о субъектных характеристиках природы вообще представляется спорной с позиции традиционного естественнонаучного материализма.

Концепция рационального критерия устойчивого развития своим источником имеет учение о ноосфере, которое создали в первой половине XX в. Леруа, Тейяр – де – Шарден и В.И. Вернадский. Содержание самого понятия ноосферы включало биологическую эволюцию как уже исчерпавшую себя предпосылку существования человека и биосферы; продолжение эволюции будет носить уже не природный, а социальный, гуманитарный, духовный характер, основанием же её является человеческий разум, создающий новые формы социальности, интегрированные в масштабах человечества [2].

Сейчас предпринимаются попытки объединения в единое целое идей устойчивого развития и идеи ноосферы, причём само устойчивое развитие трактуется как ноосферогенез, притом учитываются исключительно позитивные параметры. Подобная идеальная модель, несомненно, выполняет важные эвристические, прогностические и методологические функции, выступая как рационально-гуманистический идеал возможного развития, однако её утопические черты нельзя не заметить.

Но самое удивительное – в том, что этот утопический идеал – единственный вариант позитивного, оптимистического развития общества: только сознательная и рационально-рефлексивная установка на гармонизацию экономического и экологического развития, осуществляющуюся на базе формирования радикально новых ценностных установок (политических, правовых, философских), при учёте новейших технических достижений и экологизированных технологий.

Основным принципом концепции устойчивого развития выступает изменение общественного производства, его ориентация на создание замкнутых производственных циклов, предусматривающих минимизацию производственных отходов.

К важнейшим предпосылкам экологизации экономики можно отнести: складывание правовых и организационно-управленческих условий рационального природопользования, использование имеющихся научно-технических достижений для создания природосберегающей основы экономики, и наконец, немаловажную роль может сыграть разработка философских основ хозяйственной деятельности человека, её методологии и аксиологии.

Экологически безопасное устойчивое развитие должно предусматривать следующие основные приоритеты: сокращение потребления ресурсов; значительное уменьшение антропогенных воздействий на природу; экологическая экспертиза и учет экологических требований в деле принятия экономических решений; интенсивный рост научных исследований экологически безопасных технологий. Отметим, что два последних требования в принципе достижимы при наличии политической воли и экономических ресурсов; в то же время два первых требования весьма трудно выполняемы в силу инерционности затратной модели производства и высокой стоимости технологий, нейтрализующих антропогенные воздействия на природу. Однако, в России в настоящее время сложилась ситуация, облегчающая решения этих задач: это, во-первых, необъятность ресурсов, и во-вторых, сокращение производства, причины которого весьма далеки от экологических забот. Россия, в сравнении с развитыми странами, имеет значительное преимущество в возможности реализации программы устойчивого развития. Предпосылками решения проблемы выступают принятие системы правил для баланса ресурсов, технологических и социальных ограничений для выработки модели социально-экономического развития, которая должна в полной мере отражать специфику всех уровней производства.

Реализация частных направлений стратегии устойчивого развития должна учитывать имеющиеся концепции, предложения, исследования, отраженные в общественных изданиях, научных публикациях и государственных документах. Несомненно, стратегия устойчивого развития может строиться для различных уровней организации социума: как глобальная, национальная или региональная. Важнейшую роль, конечно, играет концепция национальная, обладающая полнотой социальных ресурсов ее обеспечения, и именно она должна поставить главные вопросы, на которые необходимо найти ответы, открывающие основные ее направления.

При оценке возможности реализации концепции устойчивого развития возникает ряд вопросов. Это прежде всего вопрос о конкретных исполнителях, о сроках реализации и, наконец, самый важный: о судьбе всех тех институтов общества (производственных, управленческих, научных), которые окажутся неадекватными требованиям модели устойчивого развития. Ведь традиционные общественные структуры, не ориентированные жестко на экологические императивы, создавались в расчете на постоянный рост потребления, причем потребления не для обеспечения интеллектуального, культурного, информационного развития человека, а для обеспечения роста возможностей человека обладать или контролировать обладание другими людьми возможно большим количеством материальных благ.

Если второстепенные вопросы о финансировании и сроках описываемой концепции более или менее решаемы, то другие вопросы решить весьма сложно. Очевидно, что финансирование может быть обеспечено только в границах высоко-развитой страны или сообщества стран. Сроки осуществления, при учете смены структуры производства, системы управления и идеологических ориентиров оцениваются в рамках при-

мерно столетия, даже если принять во внимание интенсивные методы издания общественного мнения. Однако вопросы о субъектах столь масштабной деятельности и перестройке существующих экономических и управленческих структур, не находящихся себе места в экологическом проекте, весьма сложны, так как затрагивают жизненно важные интересы влиятельных социальных групп как внутри страны, так и в международных масштабах, причем интересы неявные и очень сложно переплетенные.

Масштаб реализации столь значимого социального проекта может быть сравнен с масштабами социальной революции, технологической революции, смены формации или цивилизационного типа. Столь глубокие, коренные изменения, если опираться на исторический опыт, занимали отнюдь одно-два столетия, хотя тот же опыт показывает нам, что подобные изменения возможны достаточно быстро (вспомним, например, промышленную революцию конца XVIII века, информационную революцию второй половины XX века или торжество ислама).

Это происходит, если в обществе созревает сильная и многочисленная группа социально-активных людей, причем достаточно быстро усвоивших определенные идеологические стереотипы, и то это возможно, только если эта группа уже обладает опытом управления. В противном случае, если эта группа не консолидирована и не имеет практического опыта, коренное общественное преобразование осуществляется в несколько этапов, разделяемых краткими периодами реставрации. Объективное положение дел показывает, что в большинстве стран, и в том числе в России, такой социальной группы нет, т.е. нет достаточно надежной социальной базы реализации стратегии устойчивого развития; эту базу еще надо создавать, воспитывая необходимые экологические императивы и формируя мотивацию отражающую национальный интерес. Однако, все-таки Россия обладает потенциалом для подготовки к осуществлению программы устойчивого экологического развития. Это прежде всего ресурсная и энергетическая независимость и сравнительно высокий уровень развития современных отраслей производства.

Имея общецивилизационный характер, устойчивое развитие может иметь свою специфику для каждой страны. В России, например, оно невозможно без повышения уровня и улучшения качества жизни на основе широкого использования достижений науки и техники, притом, в первую очередь, науки управления.

Если говорить о реализации концепции устойчивого развития в России, то нужно иметь в виду, что она будет поэтапной, и каждый этап будет иметь свои специфические цели и задачи. Первый этап предусматривает стабилизацию социального, экономического, экологического и политического положения, формирование социальноориентированной экономики, обладающей потенциалом длительного роста, а также внедрение экологически безопасных технологий.

На втором этапе предполагается решение ряда задач, обеспечивающее динамичное социально-экономическое развитие страны при сохранении способности воспроизводства природного комплекса. Задача в экологической сфере – сохранение и восстановление экосистем; в социальной сфере – совершенствование качества жизни, включая улучшение среды обитания человека; в духовно-культурной сфере – это формирование экологической этики и продвижение её принципов в массовое сознание; в сфере науки и техники – это развитие комплекса наук о биосфере, популяризации и внедрение их основных принципов и достижений в научную, социальную и производственную практику.

Конечно, реализация концепции устойчивого развития содержит в себе не только внутренние качественные, структурные и функциональные изменения в экономике и обществе в целом, но и внешние, экстенсивные изменения, другими

словами – экономический рост; в то же время он будет эффективен, если будет обусловлен интенсивными факторами.

Для экономического роста важнейшее значение имеет экологизация не только производственной, но и непроизводственной деятельности; она предусматривает не только комплекс технологических мер, но и включение экологического аспекта в экономический механизм устойчивого развития. Это прежде всего: структурная перестройка экономики с учётом её экологизации; инновационная деятельность, необходимо включающая экологические элементы; обязательное включение экологических аспектов в законодательство, налоговую систему, все виды регламентирования производственной деятельности.

Нельзя не отметить и социально-гуманитарной компоненты анализируемой концепции: невозможно защищать природу, не защищая человека, идеи устойчивого развития общества на основе природосбережения и экологизации производства должны дополняться идеями охраны человека и человечества не только как субъекта, но и как объекта экологии. Без социальной защищенности и социальной стабильности жизни человека невозможна и активизация экологических факторов. В особенности актуальна эта проблема для России, которая начав переход к системе рыночного хозяйства и ещё не освоив её, уже вынуждена обращаться к таким формам производства и социальной организации, которые перерастают рыночные механизмы, становящиеся тормозом на пути глобального и

локального устойчивого развития. В этом плане задачи, стоящие перед Россией, представляются значительно более сложными, чем задачи развитых стран, уже преодолевших этапы классической индустриально-рыночной системы хозяйства. Единственное направление выхода из сложной ситуации – качественное изменение управления социально-экологическими процессами со стороны государства и совершенствование самого государства, его структуры и функций. Сами эти процессы составляют содержание нового социального направления – неозатизма – отражающего изменения государственности в эпоху постиндустриального общества с его специфическими особенностями и прежде всего с необходимостью гармонизации отношения человек – природа.

В заключении нужно отметить, что главный акцент в осмыслении рассматриваемой концепции необходимо делать не просто на обеспечении устойчивого развития общества, но на развитие системы общество – природа, на создание таких экономических и социальных структур, которые поддерживали бы и укрепляли природную основу жизнедеятельности человека на Земле. Можно сказать, что устойчивое развитие общества должно осуществляться только при условии устойчивой поддержки природных закономерных процессов. И человечество может это сделать только в ходе коренных технических, культурных, управленческих и политических изменений, позволяющих создать экологически ориентированный тип экономики и всей общественной жизни.

Библиографический список

1. Скибицкий, М.М. Экообразование в интересах устойчивого развития // Вестник экологического образования в России. – 2006. – №3 (41).
2. Рубцова, В.Н. Основные подходы к обоснованию новой концепции организации и самоорганизации населения регионов России на этапе перехода к рынку. Региональные агросистемы: экономика и социология // Ежегодник, 2002.

Bibliography

1. Skibickiy, M.M. Ehkoobrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya // Vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya v Rossii. – 2006. – №3 (41).
2. Rubcova, V.N. Osnovniye podkhodih k obosnovaniyu novoy konceptii organizatsii i samoorganizatsii naseleniya regionov Rossii na ehtape perekhoda k rihniku. Regionalniye agrosistemi: ehkonomika i sociologiya // Ezhegodnik, 2002.

Статья поступила в редакцию 20.07.11